Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Жорж Нива о Василе Стусе: история одного палимпсеста

12.03.2026.

Официальное фото КГБ из дела Василя Стуса, 1980 г. © National Archive of Ukraine

Прошлый, 2025-й, год был вдвойне юбилейным для почетного профессора Женевского университета Жоржа Нива: 90 лет с момента его собственного рождения и 40 лет со дня смерти Василя Стуса, украинского поэта и диссидента, творчество и судьба которого занимали в последние годы мысли выдающегося слависта. Профессор Нива поставил перед собой цель – восстановить справедливость и познакомить франкоязычную публику с творчеством человека, которого он считает вторым после Тараса Шевченко национальным поэтом Украины и сравнивает по уровню поэтического дара с Паулем Целаном и Осипом Мандельштамом.

Несмотря на то, что украинским языком и литературой профессор Нива серьезно заинтересовался еще шесть лет назад, на решение это повлияла, конечно, война в Украине. «Стус был молодым поэтом из Донбасса, авангардистом, приверженцем традиции «расстрелянного Ренессанса» 1920-х годов. Часть из них были расстреляны в Сандармохе, некоторые совершили самоубийство, горстка покорилась, эти стали корифеями Сталина. Стус родился в 1938 году и умер в результате голодовки в

лагере в 1985-м. Именно на Колыме он понял, что «жизнь есть миг исчезающий». Пребывание в аду колымском превратило его в европейского поэта. Как Байрон, Лермонтов, Целан и Мандельштам, он принадлежит к «обожжённым» поэтам. Работа над переводами Стуса помогла мне пережить сегодняшнюю катастрофу, давая мне возможность помочь Украине по мере моих сил», - четко сказал он, выступая в конце прошлого года на Русском кружке Женевского университета.

Посильная помощь обернулась 600-страничным фолиантом, завершающимся такими словами Жоржа Нива, в моем переводе: «Василь, ты родился на четыре года позже меня, а умер полвека назад. И я всё ещё здесь, чтобы слушать тебя и пытаться дать зазвучать трагическому звучанию твоих стихов на языке Агриппы д'Обинье, универсальности твоей поэзии – на языке Гюго, адскому, гротескному и божественному началу твоих *«Палимпсестов»* – на языке Рембо. Твой пророческий голос погружает меня в вулкан, который никто не увидит угасшим, ибо твой голос приходит из вечного настоящего поэтов. Но прежде всего твой голос, который словно доносится прямо из-за могилы, вызывает во мне никогда прежде не испытанную дрожь. Ты – слух и зов страны, истерзанной, но таинственно блаженной. Пусть твои слова исцеляют Европу и переходят из поколения в поколение! Пусть эта благословенная страна вновь станет новой Элладой, какой она когда-то была!»

(Предвкушаю замечание бдительных читателей: не полвека, а сорок лет. Разумеется, Жорж Нива в курсе, но, как сказал он мне с присущим ему юмором, в его возрасте плюс-минус десять лет не имеют значения, можно и округлить. А вот что точно имеет значение, так это страстность юного душой автора, дай ему бог здоровья!)

Mea culpa! Достаточно хорошо зная творчество Тараса Шевченко, которое мы изучали в советской школе, и отлично представляя себе его облик благодаря установленному в центре Москвы памятнику – который, кстати, стоит себе спокойно недалеко от носящей имя поэта набережной, – я лишь краем уха слышала о Василе Стусе, пока о нем не стал все настойчивее рассказывать Жорж Нива. Что я могу сказать в свое оправдание?

Василь Стус был «антисоветчиком». В 1972 году он был приговорен к пяти годам лагерей в Мордовии плюс два года ссылки в Магадан. За что? Поводом стал инцидент на киевской премьере фильма Сергея Параджанова «Тени забытых предков», когда Стус призвал зрителей встать в знак протеста против арестов украинских деятелей культуры. Ему также вменили в вину публичное обвинение украинских сотрудников КГБ в убийстве художницы и диссидентки Аллы Горской в 1970 году. После короткого пребывания на свободе он получил, в 1980 году, новый срок: 10 лет лагерей и 5 лет ссылки. Охранники следили за ним ревностно. Журналист Андрей Филимонов рассказывал, что в августе 1985-го Стуса заключили в ШИЗО лагеря «Пермь-36» за то, что он, читая книгу, якобы оперся локтем о нары. В знак протеста Стус объявил сухую голодовку и скончался через неделю, по официальной версии – из-за остановки сердца, но есть версия, что его забили надзиратели.

Как вы понимаете, при такой биографии ни о каких официальных публикациях не могло быть и речи – насколько мне известно, до сих пор ни один из сборников поэта, всегда писавшего на украинском языке, не вышел на русском в академическом издании. Однако в интернете я нашла немало переводов его поэзии, причем некоторые появились еще при жизни Василя Стуса. Этим занимались, например,

Александрина Кругленко из Донецка и правозащитница Елена Санникова, сама прошедшая сибирскую ссылку – сборник ее переводов вышел в 1994 году в серии «Поэты – узники ГУЛАГа», позже в Харькове появился сборник в переводах Марлены Рахлиной. Однако широкому русскоязычному читателю он по-прежнему неизвестен, и я надеюсь, что, как говорил герой «Двенадцать стульев» Остап Бендер, «запад нам поможет», и книга Жоржа Нивы привлечет внимание к Василю Стусу и в России, и в диаспоре.

В этом контексте удивительно удачно название, которое Жорж Нива дал своему труду: «Палимпсесты». В нем не только «эхо» одноименного сборника Василя Стуса, в который вошли стихи 1971-1977 годов, но и глубокий философский смысл, ведь палимпсест – это древняя рукопись на пергаменте, с которого соскоблили или смыли прежнюю запись, чтобы использовать его снова. И как современные технологии позволяют прочитать скрытые нижние слои письма, так Жорж Нива открывает сегодняшнему читателю автора, десятилетиями остававшегося для него «скрытым». Совершенно очевидно, что эта книга для уважаемого профессора – не просто «еще одна», но выполнение возложенной им на себя миссии.

Профессор Жорж Нива рассказывает о своем герое © N. Sikorsky

Книга состоит из вступления Жоржа Нива, около четырехсот переведенных им стихотворений с комментариями к ним, чудом сохранившейся и совершенно невероятной «Лагерной тетради» Василя Стуса, начинающейся со слов: «И вот 5 марта я прибыл на Колыму» – именно 5 марта, в годовщину смерти Сталина! – а также нескольких его писем близким и друзьям. Признаюсь, прочитав на обложке, что «Стус воплощает сопротивление украинского языка и культуры русскому гнету», я приготовилась к чему-то националистически воинствующему. Но ошиблась. Все эти разные тексты создают четкое представление о человеке, всей душой любившем Украину и пожертвовавшем ради ее независимости и процветания сначала свободой, а потом и жизнью. При этом национализм Стуса не имеет ничего общего с тем примитивным и отвратительным, что так часто вкладывается в это понятие.

Находясь в советском лагере, на российской территории и сознавая, я думаю, безысходность своего положения, Васил Стус учил английский переводил Рилке, думал о Германе Гессе, рассуждал о Достоевском, Лермонтове, Пастернаке, Мандельштаме, Цветаевой, писал, что Маяковский не был виноват в том, что его любил Сталин. Более того, в одном из стихотворений, произведших на меня наибольшее впечатление, рефреном звучит «Я вас прощаю, палачи лихие» («Прощаю вас, лихі кати мої»). Для подобного проявления снисхождения надо обладать бесспорным моральным превосходством.

Неожиданным и прекрасным сюрпризом стала для меня лирика Василя Стуса – как откровенно любовно-эротическая (например, стихотворение «Скажи, а был ли Модильяни идиотом?» («А скажи - Модільяні був ідіот?»), так и «пейзажная», если можно так выразиться – во многих стихотворениях присутствуют великолепные описания суровой северной природы. Думаю, с лёгкой руки Жоржа Нива в международный лексикон войдет оставленное им без перевода слово «мерзлота» – вечномерзлый грунт Колымы, твёрдый как камень, который заключённые лагерей ГУЛАГа были вынуждены разрабатывать вручную. А кому-то из читателей наверняка проникнет в сердце «мерзлота спрессованных душ» – с таких слов начинается одно из стихотворений.

Так выглядела мемориальная доска в честь Василия Стуса на корпусе филологического факультета Донецкого национального университета до 5 мая 2015 года © Donetsk University

Неоднократно обращаясь в своей поэзии к Богу, по случаю 1500-летия Киева Василь Стус рассуждает о христианстве в Украине и заявляет, что не любит его. Вот этот пассаж, представляющийся мне важным для понимания истории и сегодняшнего дня этой страны: «Я размышляю о тысячелетии христианства в Украине. Думаю, первой ошибкой был византийско-московский обряд, который связал нас – нас, являющихся самым восточным краем Запада, – с Востоком. Наш западный индивидуалистический дух, подавленный деспотизмом византийского православия, не смог освободиться от этой двойственности духа – двойственности, которая позднее породила в нас комплекс лицемерия. Похоже, что архаический дух православия лёг, как каменная глыба, на ещё незрелый дух народа – и привёл нас к своего рода духовной феминизации, ставшей нашим главным признаком. Русский дух, напротив, был оплодотворён железной дисциплиной татаро-монгольского владычества, что придало ему агрессивность и вкус к пирамидам. Украинский дух не сумел освободиться от тяжести этой каменной глыбы ретроградной веры. Возможно, это одна из причин нашей национальной трагедии. Я не люблю христианство. Нет!»

Очень интересны его обобщения, касающиеся советской интеллигенции, и обращенный к самому себе вопрос о существовании интеллигенции украинской. Он находит ее на тот момент еще незрелой, состоящей «на 95% из бюрократов и на 5% – из патриотов», причем патриотов «поверхностных». В сохранившейся же переписке перед читателем предстает нежно любящий муж, заботливый сын, отец и брат. Пытаясь склонить сына к освоению профессии врача, вот к каким аргументам он апеллирует: «Я думаю: а что, если Дмитро, разочаровавшись в профессии электрика, подумает о медицине. Это замечательное дело, а для тех, кто хочет изучать психологию, это единственная настоящая основа (именно через медицину Чехов нашёл своё призвание; Джойс, Пруст, Достоевский стали великими благодаря психологии и т. д.). Психология, по сути, — это просто практическая философия. И, в конце концов, врач — хорошая профессия. Ни технократ, ни филолог. Возможно, это единственное занятие, совершенно неуязвимое для нападок.»

И комок встаёт в горле, когда читаешь последние строки письма, адресованного Василем Стусом его друзьям в 1982 году: «Я прошу вас не оставлять мою маму – Стус Елену Яковлевну, 1900 года рождения. Её адрес: 340026, Донецк, улица Чувашская, дом 19. Она живёт со своей дочерью Марией Семёновной (1935 года рождения, преподаватель математики). Маме прежде всего нужна моральная поддержка: у неё уже не осталось слёз оплакивать своего сына. Добрые люди, пишите ей, чтобы она не была одинока в своём горе. Укрепите её дух!» Как тут не вспомнить письмо, написанное перед смертью в нацистском гетто в украинском городе Бердичев матерью Василия Гроссмана и полностью вошедшее в роман «Жизнь и судьба» как письмо матери его героя Виктора Штрума?

© N.Sikorsky

… Прочитав книгу и собираясь написать о ней, я узнала, что в 1989 году прах Василия Стуса был торжественно перевезён на Украину и захоронен в Киеве на Байковом кладбище, а в 2005-м ему было посмертно присвоено звание

Героя Украины. Узнала я и то, что в ночь на 5 мая 2015 года неизвестные уничтожили барельеф и мемориальную доску Василя Стуса на старейшем здании Донецкого национального университета – корпусе филфака, где поэт учился с 1954 по 1959 год. Уверена: сделавшие это мерзавцы его стихов не читали. И уверена: Василь Стус не стал бы призывать мстить им, уничтожая памятник Пушкина.

P.S. Я очень тронута вниманием Жоржа Нива, приславшего мне книгу с дарственной надписью. Хотите иметь свой экземпляр? Приезжайте 20 марта на Женевскую книжную ярмарку. Жорж Нива будет сначала беседовать с украинском писателем Андреем Курковым о том, каково писать и переводить во время войны, а потом – раздавать автографы. Все подробности здесь. Кстати, вход на книжную ярмарку бесплатный, достаточно заполнить формуляр.

Source URL:
http://www.rusaccent.ch/blogpost/zhorzh-niva-o-vasile-stuse-istoriya-odnogo-palimpsesta